

Я много раз встречался с Байбаковым. Расскажу в следующий раз более подробно об этой удивительной личности. Почему мне запомнилась именно та встреча, когда я также познакомился и с Юрием Никулиным? Один маленький штрих, но он ярко подчеркивает характер, если так можно выразиться, "нутро" этого крупного государственного деятеля и в то же время удивительно простого человека.

Байбаков принял меня уже после ухода Никулина, но не в кабинете, а в маленькой боковой комнате, видимо, предназначенной для ленча, так как там уже был накрыт для него небольшой стол, прикрытый салфеткой. Конечно, он ни к чему не притронулся, пока мы вели беседу. Когда он рассматривал принесенные мною бумаги, один лист выпал и, кружась, залетел прямо под стол. И, представляете, тут же этот человек встает со стула, становится на четвереньки и лезет под стол за бумагой. Я не успел даже его опередить. Уронил-то он! Представьте ситуацию: крупнейший государственный деятель ползает под столом за оброненным им листком бумаги, а я – гораздо младше него – сижу и жду, когда он там из-под стола вынырнет! Потом уже, вспоминая всю ту произошедшую сцену, я понял, что это - тоже в его характере. Он уронил, он и поднял. Он не мог допустить, чтобы это поднял я. Я не его слуга и не его подчиненный. Маленький штрих, но какое дополнение к характеристике.

Вот эта человеческая простота великих людей меня всегда поражала. И в связи с этим, я вспоминаю встречу с Президентом Израиля Эзером Вейцманом, произошедшую задолго до моего переезда в Израиль.

Президент Израиля Эзер Вейцман

Сотрудник израильского посольства в Москве, ранее работавший в посольстве Израиля в Азербайджане, позвонил и сказал, что приглашает в хоральную синагогу на встречу с Президентом Израиля Эзером Вейцманом. Это было в мае 1995 года. На 50-летний юбилей Победы приехал в Москву Эзер Вейцман для участия в торжествах 9 мая, а 10 мая он встречался с еврейской общественностью столицы. Конечно же, я с радостью согласился. У меня тогда была вообще полоса успешных дел. Я только что издал (в начале апреля) книгу отца "Большая судьба маленького народа". Эта книга хорошо расходилась. Я и сам не ожидал. Для пробы отвез в Дом Книги на Арбате две пачки – 60 штук. Вскоре позвонили и попросили еще, да побольше. Книготорговые предприятия, Библиотека Конгресса США – все запрашивали ее. Она была и в посольствах. Отвлекаясь, скажу, когда в перерывах заседания на конгрессе в Париже мы посетили еврейскую синагогу в еврейском квартале Парижа, служитель, узнав, что мы – горские евреи, сообщил, что у них есть новая книга о горских евреях. Эта была наша книга. Отзывы о ней были в США, в Израиле, в Москве, Баку, Нальчике. Причем, не по моей просьбе, как это обычно бывает.

Я взял с собой эти книги, чтобы подарить своим знакомым в синагоге.

У входа в синагогу гудела толпа. Здесь были и без пригласительных. Много знакомых лиц. Мне повезло. Оказывается, что даже с пригласительными билетами некоторые не сумели попасть на встречу. Проверка была строжайшая. Пропускали очень медленно, задерживая очередь в ожидании поступления информации о наличии свободных мест внутри помещения. Я прошел, но многие после меня уже не попали, т.к. вход в зал к тому времени был уже прекращен.

Я сидел в проходе где-то в середине зала. Пришли гости – Вейцман и Лужков. Их сопровождала немалая свита. Встречу открыл Адольф Шаевич, главный раввин России. Затем слово было предоставлено Эзеру Вейцману. Высокий, сухопарый, бывший офицер – летчик-истребитель, сильно сутулый или, вернее, сгорбленный старый человек, ему уже было за семьдесят. Говорил он несколько нудно, но интересно. Говорил кратко (с переводчицей), но ёмко: что из себя представляет Израиль, какой тяжелой кровью отстояли его независимость. И без всякой политики открыто, откровенно стал призывать евреев немедленно выезжать в Израиль. Это было для меня неожиданно. Обычно государственные деятели, политики крупного масштаба умеют говорить, лавируя, обходя острые углы. А тут – прямо в лоб. Лужков выступил после. Он говорил о том, какое

важное место занимают евреи в московском обществе. Он сказал: "У меня с Президентом Вейцманом разные задачи. Он призывает всех евреев переехать в Израиль. Моя же задача – просить вас остаться здесь. Нам нужны ваши мозги (он так и сказал: "мозги")". Лужков говорил о перспективах Москвы, о том, какими привилегиями или хорошими условиями он обеспечит активных участников московского общества и пр. и пр. Вейцману тихонечко шепотом все это переводили. У него, знаете, такие тонкие-тонкие губы решительного человека. И в лице есть какое-то выражение безразличия. Глаза уже по-стариковски безучастные (а, может, у него всегда был такой взгляд). Так он и слушал Лужкова: вроде бы безучастно, но в то же время с безразличностью. Во время этих выступлений, а в зале я видел некоторых представителей моего народа – горских евреев, меня вдруг осенило: у меня с собой несколько экземпляров моих книг. А почему не подарить их Президенту Израиля? Это ведь – история горских евреев, современная история. Я быстро сделал надпись на книге. За это время встреча закончилась, и гости пробирались по центральному проходу к выходу, тепло разговаривая и пожимая руки стоявшим рядом участникам встречи. Когда они проходили мимо меня, я попросил переводчицу перевести мои слова и протянул Президенту Израиля свою книгу с дарственной надписью. Коротко, очень кратко я сказал, о чем и о ком эта книга, кто ее автор, что она только-только издана и что обязательно появится и в Израиле. А переводчица переводит, время и на это уходит, хотя перевод идет синхронно. Президент высокого роста, но сгорбленный, а потому глаза прямо на одном уровне с тобой, причем голова его почему-то всегда как-то повернута набок, и глаза внимательные и пронизывающие. Он слушает тебя, заглядывая тебе внутрь, а одно ухо повернуто к переводчице. Так тяжело себя чувствуешь, хочешь высказать все, что наметил сказать. Я закончил. Он ответил, что книга займет свое место в его библиотеке, и было бы неплохо, если перевести ее на иврит или хотя бы на английский. Я, конечно, очень волновался, и сейчас даже не могу точно вспомнить, о чем я говорил. Но вот примечательный факт: книгу он взял в свои руки и шел дальше, держа ее в руках и прижимая к себе. Лужков продирался сзади. Тоже окруженный людьми, тоже отвечая на многочисленные вопросы. Я быстро, после ухода Вейцмана, написал дарственную надпись и ему. В спешке напутал, вместо "Юрию Михайловичу" написал почему-то "Юрию Викторовичу". И вот разница. Когда я вручал ему книгу, он сказал: "О, в Москве много татов, я знаю некоторых". А книгу даже в руки не взял, указал помощнику: "Положи туда". Тот был с портфелем.

Сравните. Президент государства берет и в своих руках выносит дарственную книгу, а Лужков – "Положи туда".

Когда меня много позже представляли новому послу Израиля в Москве, тот самый Беньямин Хадад (что приглашал меня на юбилейную встречу) сказал послу, что по израильскому телевидению показывали нас вместе с Эзером Вейцманом. А мне же он по-русски сказал, что эти кадры со мной длились так долго, почти минут пятнадцать. Это, конечно, преувеличение. Наша беседа длилась одну минуту, ну, от силы полторы минуты. Но его внимательный взгляд, во внутрь, я запомнил надолго.